

УДК 93

DOI: 10.33876/2311-0546/2024-3/320-329

Научная статья

© З. А. Махмутов

ТАТАРЫ КОСТАНАЙСКОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ СМЕНЫ ВЛАСТИ И БОЛЬШОГО ТЕРРОРА (1917–1930-ЫЕ ГОДЫ)

Статья посвящена изучению судеб представителей татарской общины Костанайской области (ныне Республика Казахстан) в условиях смены политической парадигмы. В дореволюционное время практически вся территория современной Костанайской области входила в состав Тургайской области Российской империи. Со второй половины XIX в. в регионе начался активный процесс миграции татарского населения. Татары компактно селились в Кустанае (ныне Костанай), в Тургае (ныне Торгай), в с. Семиозерное (ныне Аулеколь). Представители данной этнической группы занимались главным образом торговлей, земледелием, религиозной и образовательной деятельностью. Татарские купцы и духовенство играли важную роль в жизни своей диаспоры. Они обеспечивали функционирование и развитие национальных образовательных и религиозных институций. Целью исследования стало изучение последствий гражданской войны на трансформацию татарской общины региона. Было установлено, что в результате смены власти практически вся прежняя национальная элита, а также многие представители новой были уничтожены или покинули регион. Источниками для написания работы стали архивные материалы (в том числе дела репрессированных), воспоминания потомков, периодические издания и нормативно-правовые документы того времени.

Ключевые слова: татары, Казахстан, Костанайская область, Костанай, Торгай, Аулеколь, гражданская война, террор, репрессии

Ссылка при цитировании: Махмутов З. А. Татары Костанайской области в условиях смены власти и большого террора (1917–1930-ые годы) // Вестник антропологии. 2024. № 3. С. 320–329.

UDC 93

DOI: DOI: 10.33876/2311-0546/2024-3/320-329

Original Article

© Zufar Makhmutov

THE TATARS OF KOSTANAI REGION WITHIN THE CONTEXT OF POLITICAL TRANSFORMATION AND BIG TERROR (1917–1930)

The article is devoted to the study of the Kostanay's region Tatars within the context of a shift in the political paradigm. In pre-revolutionary times, almost the entire ter-

Махмутов Zufar Александрович — д. и н., старший научный сотрудник, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (Российская Федерация, 420039 Казань, ул. Исаева, 12). E-mail: zufar@inbox.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1063-4061>

*Публикация подготовлена по государственному заданию № 0599-2019-0043 «Проблема отклоняющегося поведения в системе современного человековедения».

ritory of the modern Kostanay region was incorporated into the Turgai region of the Russian Empire. The Tatars began to intensively populate this region starting from the second half of the 19th century, settling primarily in the cities of Kustanay (now Kostanay), Turgai (now Torgay) and in the village of Semiozerno (now Aulekol). They were mainly engaged in trade, agriculture, religious activities and education. Tatar merchants and clergy played an important role in the life of their diaspora. They ensured the functioning and development of national educational and religious institutions. The purpose of this study was to examine the impact of the civil war on the Tatar community in the region. It was found that as a result of the change of power, almost the entire previous national elite and some representatives of the new one were eliminated or forced to leave the region. The article is based on archival materials (including the personal files of those who were repressed), memoirs of descendants, periodicals and legal documents from that period.

Keywords: *the Tatars, Kazakhstan, Kostanay region, Kostanay, Torgai, Aulekol, civil war, terror, repression*

Author Info: **Makhmutov, Zufar A.** — Dr. of History, Senior Researcher, the Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research (Kazan, Russian Federation) E-mail: zufar@inbox.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1063-4061>

For citation: Makhmutov, Z. A. 2024. Tatars of Kostanai Region in the Context of Political Transformation and Big Terror (1917–1930). *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 3: 320–329.

Funding: The publication was prepared under the state assignment No. 0599-2019-0043 ‘The Problem of Deviant Behaviour in the System of Modern Human Studies’.

Введение

Татары являются одной из исторических сложившихся этнических групп в Казахстане. Активное заселение народом степной зоны происходило с начала XVII в., современной территории Костанайской области — со второй половины XIX в. Согласно классификации Д. Армстронга (*Armstrong* 1976), данную общность можно рассматривать как «мобильную диаспору», поскольку на протяжении долго времени ее элита выполняла работу, которую не могло выполнить доминирующее население. В первую очередь, к элите татарской диаспоры можно отнести татарских мулл и татарских купцов. Татарские духовные лица помимо исполнения религиозных треб вели гражданское судопроизводство, документооборот, обучали казахов грамоте и земледелию, участвовали в принятии государственных решений, им поручали дипломатические миссии. Татарские купцы были связующим звеном между центральной частью Российской империи, казахской степью и среднеазиатскими ханствами. Внутри диаспоры элита выполняла не менее важную роль, она поддерживала строительство и функционирование национальных школ, религиозных учреждений, просветительских институций, лоббировала экономические и политические интересы этнической группы, оказывала моральную, финансовую поддержку членам общины, а также содействовала успешной экономической интеграции и адаптации на новой территории мигрантов при помощи института махалли. Первостепенным по важности событием в жизни татарской диаспоры региона стала революция 1917 г.

Трансформация элиты

Захват власти большевиками привел к полной трансформации политического и социального-экономического ландшафта в регионе.

Главными административными органами на местах стали революционные комитеты (губернские, уездные, волостные и сельские ревкомы), в городах — городские советы (горсоветы), в селах — сельские советы (сельсоветы), в районах — районные советы, в губернии и области — губернские и областные советы. В период между съездами советов полномочия были сконцентрированы в исполнительных комитетах советов, которые решали текущие вопросы на местах. В таких условиях начинается формироваться новая элита татарской общины региона.

Активными участниками Кустанайского губернского, а позже областного исполкома были рабочий шахты Абдулла Абдрашитов, сын сестры Г. Тукая Газизы, историк и археограф Валий Абдрахманович Забиров (1897, Уральск — 1937, Сандармох), административный деятель Мухтар Шаймарданович Ибрагимов (1905, Карабутак — ?). Валий Шакирович Рахматуллин занимал должность председателя Урицкого райсовета, а Абдрахман Салихович Жамалетдинов — Узункольского (*Укин* 2012: 42).

Из местных татар в Кустанайский горсовет в разное время входили: Валий Абдрахманович Забиров, К. К. Галимова, счетовод Хамза Давлеткильдеев, Хамза Сагдетдинович Забиров, Гаяз Хисамович Зелялетдинов (Залялетдинов), ломовой извозчик Абдрахман Ибатуллин, Зайнап Гарифовна Ишмуратова, Нигматуллин, Рабига Усманова, Шарафутдин Хисамутдинов, Сафа Шайхитдинов, Абдулла Насыпович Шакиров, Шамсутдинов, Хадича Закировна Сайфи, в Джетыгаринский горсовет — Михаил Иванович Давлетшин, Шаяхмет Мухамедьянович Исмагилов, Назмутдин Гафуров, братья Хамиджан и Газизьян Мухаметджановичи Юсуповы, в Семиозерский сельсовет — Гата Мухаметшин, Маймуш Машакова, Газиза Хакимова (Абдулхакимова), Магруфа Галиакбарова, Каюм Закиров, Закир Муслимов, Шариф Сафиуллин, Сабиржан Рахманкулов, Сафар Вахитов, Юсуп Сабитов, (кандидаты Давлетшин, Карим Абдрахманов, Гариф Шамсутдинов, Сахип Хабибуллина) (*Баймен* 2006: 603).

Были случаи, когда народные избранники пытались отстаивать и этнокультурные интересы своего народа. Так, татарские депутаты Семиозерного сельсовета ставили вопрос об организации в селе национальной библиотеки-читальни, так как многие из проживавших там татар не понимали русского языка. Но для этого требовались некоторые финансовые вложения и самостоятельно этот вопрос они решить были не в силах.

Видные представители татарской диаспоры, которые финансировали функционирование духовных и образовательные институции были вынуждены покинуть регион. Например, в 1919 г. покинул Кустанай известный меценат Муллагали Ахмеджанович Яушев. Вместе с семьей он перебрался по железной дороге во Владивосток, потом в Харбин (Китай), а затем в Иокогаму (Япония). В 1922 г. Яушевы получили визу для переезда на постоянное жительство в США. Однако тогда же Советское правительство обратилось к эмигрантам с призывом вернуться на Родину. Вся семья за исключением второго сына, Искандера, переехала в Ташкент, где ей помогли устроиться благодарные узбекские рабочие с бывшего хлопкоочистительного завода братьев Яушевых. Муллагали Ахмеджанович скончался в Ташкенте в 1926 г. от воспаления легких, а его жена Мафтуха Ахметьяновна (Басимова) преподавала дисциплину «Художественное воспитание» в узбекской общеобразовательной школе до своей смерти в 1941 г. Их дети в 1930-е годы постепенно перебрались из Таш-

кента в Москву. Несмотря на гарантии безопасности, данные советской властью для возвратившихся из эмиграции, на Родине они подверглись политическим репрессиям. Хасан Муллагалиевич Яушев в 1937 г. был осужден по 58-й статье к 5 годам лишения свободы и через год погиб в заключении. Его сестру, Зайнаб Муллагалиевну Яушеву, приговорили к 10 годам лишения свободы. Двое других детей Муллагали закончили жизнь в эмиграции. Искандер из Японии переехал в Германию и, по неподтвержденным данным, в 1945 г. был схвачен советскими органами госбезопасности и расстрелян. Дочь Сара Муллагалиевна Яушева вышла замуж за племянника последнего короля Афганистана Амануллы-хана, после свержения которого в 1929 г. предположительно бежала в Турцию (*Денисов* 2011: 75). Помимо Яушевых сменили место жительства дети Давлетши Мухамадеева, Мухамедша и Хамит, (из Семиозерного), Хакимжан (вероятно, Шакирзянович) Бакиров с семьей (из п. Старо-Шумного), Максутов, Бикчентаев (из Кустанае) и др (ГАКО 613: 64).

Оставшиеся представители татарской буржуазии были причислены к «нетрудовым элементам» или к членам «антисоветской партии». В Кустанае в эти списки попали: владелец мельницы Закиржан Уразаев, крупные торговцы Мухаммет Абдулхаликов, Х. Аминов (Даминов, Доминов), Шакир Батыршин, Шариф Бахтияров, Галиулла Бикмухаметов, Кошар Габайдуллин (Губайдуллин), Гафиатулла Гизатуллин, Кашшафетдин Гирфанов, Тухватулла Гисматуллин, Хаджи Ахмет Даутов, Халиулла Зарипов, Валиулла Зубайдуллин (Халили), Х. Исмагилов, Ганей Ихсанов, К. Миндебаев (Миндыбаев), Мухамметджан Муратов, Мухамметджан Мухамадеев, Садык Насыров, Гайнетдин Усманов, К. Файскутдинов (Фасхутдинов), Минжан Фаткуллин, Гилязетдин Шайхетдинов (Шайхутдинов), Х. Шакиров, Файзулла Шарафутдинов, К. Хабибуллин, Мухамметджан Хакимов, Садык Хасанов, Мирзабай Хисамутдинов, Салихбай Хисамутдинов. В Семиозерном в числе врагов советской власти числились: Ибрагим Хасанов, Ильяс Тагиров (приказчик Торгового дома Яушевых и Файзуллина), Шакиржан (Шарипжан, Шарифджан) Искаков, Фазылжан Габитов, Гариф Хасанов, Абдулжан Габитов, Закир Бикчентаев, Хафиз Садыков, Сафей Тазетдинов, Мухамедрахман Мазитов, Касымхан Мазитов, Ахметвафа Сабитов, Шакир Сагандуков (ГАКО 613: 63).

У них было отнято недвижимое имущество, в частности в Кустанае у Абдулвали (Габдельвали) Бакирова (дом по адресу: улица Тарана, 26), Галиуллы Бикмухаметова (дом по адресу: улица Комсомольская, 41), Шарифа Бахтиярова (дом по адресу: улица Советская, 15), Вахитова (торгово-складское помещение по адресу: улица Повстанческая, 30), Давлетши Мухамадеева (дома по адресам: улица Ташкентская, 61, на берегу реки Тобол, улица Тарана, 20, торгово-складские помещения по адресам: улица Советская (Ленина), 9, улица Троицкая, 33), Мухамметджана Ихсанова (Исхакова, Исхакова) (дома по адресам: улица Тарана, 35, 36), Каримова (магазин на улице Толстого), Садыка Насырова (дом по адресу: улица Тарана, 24), Закиржана Уразаева (дома по адресам: улица Ленина, 20, 2, улица Набережная, 33), Минжана Фаткуллина (дом по адресу: улица Комсомольская, 35), Мирзабая Хисамутдинова (дом по адресу: улица Троицкая (Комсомольская), 32), Шайдулов (Шайдулин) (дом по адресу: улица Тарана, 33), Файзуллы Шарафутдинова (дом по адресу: улица Советская (Ленина), 24), Юсупова (дом по адресу: улица Орефьева, 40), Яушевых (дома по адресам: улица Толстовская, 30, 32; улица Повстанческая, 38; улица Советская (Ленина)¹ 23, 28, 30; улица Калинина 25, 34; улица Тарана, 9, торгово-складские помещения по адресам: угол Советской и По-

¹ Ныне улица Аль-Фараби.

встанческой, на улице Калинина), мечетный дом (дом по адресу: улица Советская, 22), в Семиозерном у Абдулхалика Давлетовича Мухаммадеева, Файзуллина, Шарифджана (Исхакова) Ихсанова, Касымхана Баязитова, Рахматуллина, Ахметвафы Сабитова (два дома), Султана Рахманкулова (ГАКО 18: 195).

Эти владения, как правило, отдавались под нужды новых советских учреждений. В торговом пассаже Яушевых расположился губвоенкомат, позже — горсовет, в доме Яушевых — государственная аптека, в полукаменном двухэтажном доме Закиржана Уразаева — Кустанайская следственная комиссия, затем — контора коммунальной службы, на мельнице Закиржана Уразаева размещались штаб командующего повстанческой армии, НКВД, инфекционная больница, затем в военное время — кожевенный завод им. Дзержинского, эвакуированный в 1941 г. из Симферополя, в доме Давлетшы Мухаммадеева — караульный батальон, потом отдел милиции, в доме Минжана Фаткуллина — кавалерийский эскадрон, в доме Файзуллы Шарафутдинова — военное ведомство, в магазине Абдул-Вали Бакирова — спортклуб (*Терновой* 2012: 403).

«НЭПмены»

В социально-экономический кризис большевистская власть взяла курс на новую экономическую политику (НЭП). Был установлен разрешительный порядок открытия торговых заведений (необходимо было получить торговый патент), постепенно отменялись государственные монополии на различные виды продукции и товаров, для мелких промышленных предприятий был установлен упрощенный порядок регистрации.

Татары региона снова начали активно заниматься торговой деятельностью как в частных, так и в государственных заведениях. На реализации галантерейной продукции специализировались Акбар Исаков, Ризаитдин Зиятдинов, Ахметжан Каримов, Ахметжан Габбасов (в Кустанае), мелочных товаров — Сабиржан Нигматжанов (в Кустанае), Гатаулла Мухлисов, Абдрахман и Махулон Ситдиковы (в п. Боровое), постоялый двор имел М. Нигматуллин, мясную лавку — Абдрахман Мухамметджанович Халитов (из Тары). Магазином кустанайского Казторга заведовал Шакир Абдуллович Тазетдинов, магазином №7 — Валий Галеевич Хусаинов, мясной лавкой №1 — Халиулла Сафеевич Сафиуллин, ларьками — Гильмутдинов (при гортеатре), Ханафия Галеев, Сабиржан Халимджанович Юнусов. Продавец второй категории магазина №5 Дзут Бурнаев в более поздний период был занесен в областную и республиканскую Доску Почета особо отличившихся участников социалистического соревнования имени XX-летия Казахской ССР (ГАКО 268: 242). Братья Файзулины успешно занимались заготовками пушнины и кожсырья (Степной крестьянин. 1929. 10 декабря). Были среди татарского населения и ремесленники. Известными в Семиозерном портными были Латып Валиев, Халиулла Хабибуллин, Нурмухамет Жамалитдинов (Ямалутдинов), в Кустанае — Салих Садыков, в Тургае — Валиулла Губайдуллин (ГАКО 23: 447).

Непосредственным поводом для полного сворачивания НЭПа послужил срыв государственных хлебозаготовок в конце 1927 г. Руководитель советского государства И. В. Сталин объяснил заготовительный кризис сопротивлением кулачества. Назвав кризис «хлебной стачкой», он оценивал его как сознательный саботаж со стороны кулаков, рассчитывающих на значительное повышение цен. От местных руководителей он потребовал принять против кулаков «чрезвычайные меры», главной из которых стала конфискация хлеба. В частности, И. В. Сталин предложил, а фактически потребовал применять к саботажникам хлебозаготовок 107-ю статью Уголовного ко-

декса РСФСР, карающую лишением свободы за спекуляцию. Судей и прокуроров, не готовых к подобным действиям, он назвал «господами», которых следовало «вычистить» и заменить (*Голотик и др.* 2000: 135). Были существенно увеличены налоги на торговую и промысловую деятельность, планы по хлебозаготовкам. В Кустанае за невыполнение задания по сдаче хлеба и мяса, невыплату промыслового налога к уголовной ответственности были привлечены Сулейман Абдрашитов, Нурмухамет Абдулгалеев (Абдулгалиев), Ахметов, Ахметханов, Хасан Галеев (Галиев), Мухамедрахим Галиев, Хабиулла Давлетжинов, Г. Гарифуллин, Гани Зарипов, С. Ибрагимов, Шакир Каримов, Г. Мухсинов, Вали Мусин, Зариф Давледшинович Мухамедеева, Мингалий Мухамедьяров, Садык Насыров, Умар Ногаев, Мухамметджанов, Гарифулла Сафиуллович Сафиуллин (Сайфуллин), Хусаин Файзуллин, Миндывалий Шамсутдинов, Абдулла Хакимов, Хисамутдинова и другие (ГАКО 23: 445). За данную провинность у них конфисковывалось все имущество, а сами провинившиеся перед государством граждане нередко отправлялись в лагеря.

«Лишенцы»

Значительная часть татар попала в список лишенных права голоса. Они не могли получить высшее образование, не имели возможности «занимать ответственные должности, а равно быть заседателем в народном суде, защитником на суде, поручителем, опекуном», были лишены права получать пенсию и пособие по безработице (Постановление ВЦИК 1924). В такие списки попали торговцы (те, кто имел торговые патенты), лица, использующие наемный труд, муллы и члены их семей. Среди них джетыгаринцы: Мухамметджан Юсупов (мулла) и его жена Латифа, Антай Макашев, Кошахмет Латыпов, кустанайцы Мухаммет Абдулхаликов, Хамза Сагдетдинович Забиоров, Харис Латыпов, Кашира Зарипова, Давлетша Мухамедеев, Шакир Рахматуллин, Гузаир Сайбаталов, Закиржан и Сара Уразаевы, Сайфутдин Хисматуллин (как служитель культа), семиозерцы Зейнат Аксаков (как служитель культа), Калимулла Валиуллин (мулла), Фазылжан Габитов, Махмут и Халит Забиоровы, Халит Шарифджан Исхаков (Исхаков), Шакир Каримов, Абдулхалик Мухамедеев, Галяветдин Мухаметов, Султан Ибрагимович Рахманкулов, Гариф и Хафиз Садыковы, Ильяс Тагиров (приказчик Торгового дома Яушевых и Файзуллина), Фархутдин Фархутдинов, Гариф и Ибрай (Ибрагим) Хасановы, Калимулла Хайруллин (как служитель культа), Фаизрахман Хусаинов и многие другие.

Пытаясь обжаловать это решение, Харис Латыпов писал: «В списке лишенцев я значусь за выборку патента II разряда. Несчастный патент возвращен, я им не пользовался даже два месяца... Семейство 5 душ, работник я один, все трое детей несовершеннолетних...» (ГАКО 73: 315. Л. 146).

Шакир Каримов объяснял использование им наемного труда тем, что в его семействе не было ни одного трудоспособного члена семьи «Я Шакир имею от роду 66 лет и Зулейха 55 лет, и трое детей в возрасте от 5 до 14 лет. Несмотря на свою нетрудоспособность, наемный рабочий у нас работал при повседневном нашем участии, не исключая и нашего 14-летнего сына. Наем одного рабочего и большей частью в сезонное время отнюдь не расширяет нашего хозяйства за пределы трудового, а единственно может служить поддержкой его и сохранением от полного упадка и окончательной ликвидации» (ГАКО 73: 315. Л. 20).

Муэдзин Сайфетдин Хисматуллин был вынужден отречься от своей принадлежности к служителям культа, хотя не отрицал своей религиозности: «Я, старик 75 лет, воспитанный в правилах мусульманской веры, не могу отказаться от выполнения религиозных обрядов, бываю в мечети и иногда подметаю там пол. Но это работа сторожа, выполняемая мной бесплатно, не имеет обрядового характера и по ней нельзя меня относить к служителям культа...» (ГАКО 73: 315. Л. 298).

Сын муллы Сагдетдина Забирова, Хамза, бывший член президиума горсовета, был лишен права голоса как член семьи служителя культа. Он в своем прошении в горсовет утверждал, что с родителями он никакой связи не имел и с 1924 г. жил отдельно и просил органы избиркома снять с него «черное пятно» и восстановить его в гражданских правах» (ГАКО 73: 315. Л. 208).

Бывший владелец мельницы Закиржан Уразаев также акцентировал внимание на том, что дети не могут нести ответственность за родителей: «По спискам лишенцам я и моя жена Сара значимся лишенными, но основания и причин никаких не находится. Думаю, что лишили нас как бывших купеческих сынов. Такое же основание я считаю несправедливым, так как наши бывшие имения были нажиты нашими стариками и отцами, мы же в то время были еще несовершеннолетними детьми, даже не имели никакого участия в их коммерческих делах. Если бывшие наши имущества или имения числились на нашем имени, то эти имущества переходили только лишь по смерти наших родителей или даже дедов. Сами мы же чисто своим трудом ничего не нажили и торговлей даже в старое время никакой не занимались. Имеющаяся мельница бывшая Уразаевых принадлежала моему отцу Галею Фаткуловичу Уразаеву, который умер в 1919 году. Отец мой жил в городе Троицке, я же находился в Кустанайском его отделении при мельнице и работал только по доверенности отца. В общественной же работе я никогда не бывал, так как мои родители по своему старому закалу, проводившие всю свою жизнь без никакого образования, только лишь занимаясь коммерческими делами, оставили и нас также без образования, не обучая каким-либо специальностям. В силу чего и в настоящее время мы в преклонных годах, не имея возможность служить, работать и не имея никаких специальностей, находимся в крайне критическом и безвыходном положении, не имея средств к существованию» (ГАКО 73: 315. Л. 233).

Для выявления «агентов классового врага» и причисления их к списку лишенцев в советских органах власти проходили так называемые «чистки». Во время них члены специально созданного для этого комитета внимательно проверяли биографию служащих. Во время «чистки» в Кустанайском горпо, например, выяснилось, что работник Мухаммет Абдулхаликов — из семьи торговцев, его жена — дочь торговца и сам он торговал в 1923–1924 годах. На подобных заседаниях часто находились «свидетели», которые выступали с разоблачительными речами, обвиняя «подозреваемых» в отклонении от четкой классовой линии, предательстве интересов партии и своего народа. В деле Абдулхаликова таким свидетелем выступил его коллега Мухамметджан Файзулин, который заявил: «Из нас татар Вы мало найдете тех, кто не мог бы торговать. У нас мало спецов из батраков, рабочих, бедняков, потому что наши аппараты засорены вот такими типами, как Абдулхаликов. Вот Вы, товарищи Сизова и Иванов (коллеги Абдулхаликова, поддерживающие его — *З. М.*), не постарались узнать, как он относится к ученичеству и проводит классовую линию. Я Вам скажу, что учеников он не старается обучить, а старается запугать... Во время проведения петровской ярмарки

Абдулхаликов известному торговцу Курмашину выдал мануфактуру на все представленные квитанции о сдаче семечек...» (Степная коммуна 1930). Мухаммет Абдулхаликов был уволен с работы и причислен к числу «лишенцев».

Председателю правления Союзхлопкокомбината Гаязу Хисамовичу Залялетдинову было предъявлено обвинение в том, что он укомплектовал аппарат чуждыми советскому обществу элементами: ссыльными, детьми торговцев — и даже выплачивал им премии к зарплате. После того как Госбанк задержал более чем на две недели зарплату его подчинённым, он «позволил себе» запросить кустанайское отделение Госбанка о причинах задержки. Бюро Кустанайского райкома ВКП(б) расценило это прошение как «контрреволюционное требование» с целью разведывания положения Госбанка. Гаяз Хисамович Залялетдинов был исключен из партии. После его апелляции в вышестоящие инстанции (в оргбюро Казкрайкома ВКП (б) по Кустанайской области) исключение из партии было заменено строгим выговором (ГАКО 165: 25).

В Семиозерном под «чистку» попал учитель татарской школы Каюм Закирович Закиров, ему вменялось скрывание от партии своего социального происхождения (был приказчиком у купца Бакирова), а также «исполнение обязанностей муллы» (ГАКО 165: 311).

11 октября 1931 г. было принято постановление о полном запрете частной торговли в СССР, однако террор на этом не закончился.

Большой террор

Пик государственного насилия в СССР пришелся на 1937–1938 годы. В этот период среди прочих под следствием оказались известный журналист, педагог, крупный государственный деятель, уроженец Кустаная Габдулла Тухватуллович Гисмати (Гисматуллин), ученый и административный деятель Валий Абдрахманович Закиров, бухгалтер Галимубаракша Мухамедович Гиматов, управляющий племзаготконторы Хаджи Гареевич Каримов, директор кустанайской школы С. Х. Яхина, бывший владелец одного из крупнейших в Кустанае магазина Абдулвали (Габдельвали) Абдуллоевич Бакиров, дети Муллагали Яшueva, Хасан и Зайнаб, и многие другие. Доказательствами вины подсудимых выступали показания свидетелей, правдивость которых никаким образом не проверялась, и признательными показаниями обвиняемых, выбиваемыми, как правило, под пытками. Видимо, не вытерпев их, вынужден был оклеветать себя Галимубаракша Мухамедович Гиматов: «В своей практической работе в качестве бухгалтера поселкового совета у меня лично были случаи дискредитации советской власти перед населением ... Я своей грубостью с посетителями создавал недовольство советской властью» (АДВД КО 2: 02203).

По одному уголовному делу проходили: бывшие торговцы Минаутдин Абдуллоевич Абдрашитов, Халит Шамсутдинович Закиров, Вали Галиевич Мусин, Сабиржан Нигматжанов, Сагит Файзуллоевич Хабибуллин, Абдрахман Мухамметджанович Халиков, в прошлом учителя в медресе Троицка Абдул Галимович Галимов, Ризаитдин Зиятдинов, муэдзин Абдулхат Кадыров, рабочий Абдулла Хасанович Утеев, а также Мифтах Камалитдинович Фахрутдинов.

Их обвиняли в антисоветской деятельности. Доказательством служили свидетельства Гарифжана Денмухамедова (Денмухамметова, Динмухамметова, Димухамметова) и признательные показания Ризаитдина Зиятдинова, из которых следо-

вало, что «в 1936 году под предлогом организации мусульманской духовной общины среди верующих татар Кустаная была создана антисоветская организация. ... Мы, участники этой группы, распространяли антисоветские настроения среди верующих мусульман татарской части города... Мы организовывали нелегальные сборища и собрания, которые проводились под предлогом молебна на мусульманском кладбище, последнее из них нами проводилось открыто... Участниками его были казахские муллы мухтасиб Габдулла Хасангалиев, муллы Мухамад Кенжин (мулла при троицкой мечети № 5 — З. М.), Игезбаев Ахмет, и торговцы: Минаутдин Абдрашитов, Вали Мусин, Сагит Хабибуллин... Я вел клеветнические разговоры против вождя народа и руководителя партии И. В. Сталина...» (АДВД КО 2: 0878). Минаутдин Абдуллоевич Абдрашитов, Абдулхат Абдугалимович Кадыров, Абдулла Хасанович Утеев, Мифтах Камалутдинович Фахрутдинов своей вины не признали, однако все участники данного дела, за исключением Мифтаха Камалутдиновича Фахрутдинова, были приговорены к высшей мере наказания — расстрелу.

Свертывание НЭПа, раскулачивание, бушующая волна репрессий спровоцировали новую волну миграции из региона в прошлом преуспевающих предпринимателей. Семья известного семиозерского предпринимателя Шамиля Рахманкулова переехала в Троицк, кустанайца Валиуллы Зубайдуллина (Халилова) — в Зеленодольск, тургайца Фазылжана Назмутдинова — в Орск и т. д. (*Абубакирова и др.* 2002: 71). Кустанайский муэдзин второй мечети Сайфетдин Мифтахетдинович Хисматуллин бежал в Ахуново.

Заключение

В результате революционных событий многие представители старой татарской элиты Костанайской области были лишены имущества, возможности заниматься своим привычным делом и покинули регион. В то же время местным татарам, разделяющим идеи большевизма, удалось занять важные руководящие должности и стать депутатами в новых органах власти. Некоторые татары на короткое время (период НЭПа) получили возможность вести ограниченную торговую деятельность. Однако, новая элита, в отличие от старой, не имела значительных финансовых и политических ресурсов и в новых условиях не могла лоббировать деятельность диаспоральной инфраструктуры. Разрушалось национальное образование, сокращалась культурная дистанция. Репрессии 1930-ых годов затронули как представителей оставшейся старой, так и новой элиты, уничтожив многих «знаковых» персон татарской общины региона, ознаменовав начала периода упадка татарской диаспоры.

Источники и материалы

- АДВД КО 2: 02203 — Архив Департамента Внутренних Дел Костанайской области. Ф. 2. Оп. 1. Д.02203. Л. 15.
- АДВД КО 2: 0878 — Архив Департамента Внутренних Дел Костанайской области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 0878. Л. 8.
- ГАКО 18: 195 — Государственный архив Костанайской области. Ф. Р-18. Оп. 1 Д. 195.
- ГАКО 23: 445 — Государственный архив Костанайской области. Ф. Р-23 Оп. 1. Д. 445.
- ГАКО 23: 447 — Государственный архив Костанайской области. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 447.
- ГАКО 73: 315 — Государственный архив Костанайской области. Ф. Р-73 Оп. 1. Д. 315.
- ГАКО 165: 25 — Государственный архив Костанайской области. Ф. Р-165. Оп. 1. Д. 25. Л. 15.

- ГАКО 165: 311 — Государственный архив Костанайской области. Ф. Р-165. Оп. 1. Д. 311. Л. 19.
ГАКО 268: 242 — Государственный архив Костанайской области Ф. Р-268. Оп. 1. Д. 242.
ГАКО 613: 63 — Государственный архив Костанайской области Ф. Р-613. Оп. 1 Д. 63.
ГАКО 613: 64 — Государственный архив Костанайской области Ф. Р-613. Оп. 1 Д. 64.
Постановление ВЦИК 1924 — Постановление ВЦИК от 16 октября 1924 г. «О дополнениях и изменениях уголовного кодекса РСФСР». http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2210.htm (дата обращения: 30.06.2017).
Степная коммуна 1930 — Степная коммуна. 1930. 8 июня.

Научная литература

- Абубакирова М., Шамсутдинов И., Хасанжанова Р. Историю оставить народу своему. Троицк: ЗАО «Тип. им. Сыромоотова», 2002. 176 с.
Баймен Х. (отв. ред.). Костанайская область. Энциклопедия. Алматы: Арыс, 2006. 736 с.
Голотик С. И., Данилин А. Б., Евсеева Е. Н., Карпенко С. В. Советская Россия в 20-е гг.: НЭП, власть большевиков и общество // Новый исторический вестник. 2000. № 2 (2). С. 122–181.
Денисов Д. Очерки по истории мусульманских общин Челябинского края (XVIII — начало XX века). М.: Издательский дом Марджани, 2011. 255 с.
Терновой И. К. (отв. ред). Кустанай — Костанай: очерки истории. С древнейших времен до 1936 года. Костанай: Костанайполиграфия, 2012. 608 с.
Укин К. У. (отв. ред). Кустанайцы — герои тыла. Личный вклад. Костанай: Костанайский печатный двор, 2012. 854 с.
Armstrong J. Mobilized and Proletarian Diasporas // The American Political Science Review. 1976. Vol. 70. No. 2. P. 393–408. <https://doi.org/10.2307/1959646>

Reference

- Abubakirova, M., I. Shamsutdinov and R. Hasanzhanova. 2002. *Istoriuu ostavit' narodu svoemu* [Leave History to Your People]. Troitsk: ЗАО "Tipografiia imeni Syromolotova". 176 p.
Armstrong, J. 1976. Mobilized and Proletarian Diasporas. *The American Political Science Review*. 70(2): 393–408. <https://doi.org/10.2307/1959646>
Baimen, Kh. (ed.). 2006. *Kostanaiskaia oblast'. Entsiklopediia* [Kostanay Region. Encyclopedia]. Almaty: Arys. 736 p.
Denisov, D. 2011. *Ocherki po istorii musul'manskikh obshchin Cheliabinskogo kraia (XVIII — nachalo XX veka)* [Essays on the History of Muslim Communities of the Chelyabinsk Region (18–early 20 centuries)]. Moscow: Izdatel'skii dom Mardzhani. 255 p.
Golotik, S. I., A. B. Danilin., E. N. Evseeva and S. V. Karpenko. 2000. *Sovetskaia Rossiia v 20-e gg.: NEP, vlast' bol'shevikov i obshchestvo* [Soviet Russia in the 20s: National Economic Policy, Bolshevik Power and Society]. *Novyi istoricheskii vestnik* 2(2): 122–181.
Ternovoi, I. K. (ed). 2012. *Kustanai — Kostanai: ocherki istorii. S drevneishikh времен do 1936 goda* [Kustanai — Kostanai: Sketches of History. From the Most Ancient Times to 1936]. Kostanai: Kostanaipoligrafiia. 608 p.
Ukin, K. U. (ed.). 2012. *Kustanaitsy — geroi tyla. Lichnyi vklad* [Kustanai Citizens as the Heroes of the Home Front. Personal Contribution]. Kostanai: Kostanaiskii pechatnyi dvor. 854 p.